

Евгений и Людмила МАРАНОГЛИ, клоуны:

Страшнее кошки зверя нет

известия 2003 - 3 сент. - с. 13.

Евгений и Людмила МАРАНОГЛИ клоуны — и клоуны очень хорошие, лауреаты международного конкурса. Как и положено хорошим клоунам, они постоянно работают за рубежом: не так давно Мараногли вернулись из Таиланда и теперь выступают с тайскими пуделями (темперамент у мохнатых тайцев бешеный). А всего в их команде двадцать хвостов: шесть пуделей, два бобтейла и двенадцать кошек. С ними Мараногли работают в новой программе Цирка на проспекте Вернадского. После спектакля с клоунами встретился корреспондент «Известий» Алексей ФИЛИППОВ.

— Как попадают в клоуны?

Евгений Мараногли: Кто-то после циркового училища. А я был драматическим артистом — окончил Иркутское театральное, но давно мечтал о цирке. Мне казалось, что время уже упущено — я окончил училище в двадцать пять лет и четыре года проработал в театре, но тяга к цирку не проходила. И я подготовил репертуар на коверное соло и был принят в новосибирскую труппу «Цирк на сцене».

— Без циркового училища?

Е.М.: Театральное образование включает в себя пантомиму и акробатику...

— Это не та акробатика, что нужна в цирке.

Е.М.: Я же не кручу салты. И Юрий Владимирович Никулин не крутил — однако стал всемирно известен. Кто-то делает акцент на акробатике, кто-то, как мы с Людмой, занимается дрессурой, кто-то становится музыкальным клоуном.

— Свои репризы вы пишете сами или же есть специализирующийся на цирковом юморе сочинительский клан?

Е.М.: Мы много гастролируем, поэтому наши репризы должны быть понятны в любой точке земного шара. Мы занимаемся пантомимой, но иногда не помогает и это. У нас есть реприза «Пух», она связана с пистолетами и стрельбой. За одно представление мы работаем пять-шесть разных реприз, и во Франции импресарио сказал: «Меняйте что хотите, но «Пух» должен быть каждый вечер». Приезжаем в Аргентину — импресарио посмотрел и сказал, что все хорошо, но «Пука» не надо — «у нас и так слишком много стрельбы». Очень сложный японский зритель. Коверным приходится перелопачивать весь репертуар, каждую репризу, чтобы они дошли до японцев.

— В чем же дело?

Людмила Мараногли: У японцев очень зажатые эмоции, кажется, что они боятся хлопать. Пресса хорошая, зрители оставляют прекрасные отзывы, а зал сидит как неживой.

— А внутривидовая клоунская конкуренция существует? Цирк на Вернадского, где вы сейчас выступаете, один, а клоунов много...

Е.М.: Клоунов не хватает. А хорошие и вовсе наперечет.

— Сколько же у нас клоунов?

Е.М.: Может быть, человек полтора... И это на страну, где в каждом областном центре стоит стационарный цирк. К тому же хорошие коверные, как правило, работают за рубежом.

— Клоун тяжелая профессия? Акробат может разбиться, дрессировщика может порвать тигр...

Е.М.: Он может порвать не только дрессировщика. Я работал репризу во Владивостоке, а медведь готовился на выход. Мне нужно было уйти или в центральный, или в боковой проход, а я забылся, залетел за кулисы и лоб в лоб столкнулся со здоровенным гималайским медведем.

Л.М.: Медведь обалдел...

Е.М.: ...а я тем временем удрал. И потом получил несколько неприятных слов от дрессировщика. Я дважды ломал ребра. Работал репризу со своим партнером (я изображал балерину, а он должен был меня поддерживать), разбежался, прыгнул — и упал на него. Мне доставалось и от животных...

— У вас животные маленькие и безобидные.

Е.М.: Знаете, какой у нас был бриар? Великан. Но нам пришлось отдать пса в тот же питомник, откуда мы его взяли.

Л.М.: Покажи ему — и он все выполнял. Настолько был способный...

— Почему же вы его отдали?

Е.М.: Он начал проверять на прочность нашу помощницу. Все время смотрел, что она делает. Контролировал ее.

— Почему именно ее?

Л.М.: Он поел кашки, а она ему морду вытерла. Хотел с нами побить — а она его в клетку загоняет... А потом бедняжка решила применить силу, и он так ее цапнул, что пришлось зашивать руку. Сейчас у нас два бобтейла, шесть пуделей и двенадцать кошек. Бобтейлы абсолютно безобидны. Как телята. Мы два года проработали в Таиланде и привезли их туда еще щенками — в тамошнем цирке за кулисами больше пяти человек не было. (То, что зрители к ним не подойдут и их нечего бояться, они усвоили сразу.) А в Цирке на Вернадского все по-другому: тут много народа и большой шум. Они сконфузились и стали бояться людей. И у кошек свой характер, одни агрессивные, другие нет.

— Что плохого может сделать маленькая кошка?

Е.М.: Не скажите. Кошка страшная.

Л.М.: Однажды рядом с нашими кошками оказались обезьяны — они выступали в следующем номере. Мы боялись, что кошка вырвется, убежит, а обезьяна поймает ее и разорвет. Женя держал кошку, а она пыталась смяться и драла ему руки всеми четырьмя лапами. Через несколько секунд он обливался кровью.

Е.М.: Ты держишь шест, чтобы на него прыгнула кошка, а она отталкивается от тебя задними лапа-

ми и дерет плечо когтями. Или с тумбы прыгает на грудь... Вроде и не бог весть какой хищник — а ты весь в царапинах.

— Клоун, наверное, профессиональный долгожитель по сравнению с другими цирковыми артистами, уходящими на пенсию в 30 лет?

Е.М.: В принципе клоуны работают долго, хотя с арены все уходят по-разному. Карандаш — в восемьдесят, Юрий Владимирович Никулин — в шестьдесят... Но ведь и акробаты, уходящие на пенсию в тридцать лет, как правило, остаются в цирке. Кто-то из них идет в дрессуру, кто-то к нам, в клоунаду... Можно выйти на пенсию, но оставить цирк очень сложно.

— Клоунада развивается или существует на повторях?

Е.М.: Сто и даже пятьдесят лет назад клоуны выходили, чтобы заполнить время, пока разравнивали опилки на манеже. Они давали

друг другу пинки и подзатыльники — вот, пожалуй, и все. А сейчас под хорошего клоуна может делаться целая программа. Клоунада не стоит на месте. В конце шестидесятых великий Леонид Енгибаров внес в нее элементы пантомимы...

— А я-то считал ключевой фигурой современной клоунады Никулина.

Е.М.: Юрий Владимирович придерживался буффонады. Преобладало то одно, то другое направление, и так, наверное, будет всегда. Клоунада вечна, как и цирк: в советские времена билеты на хорошую программу надо было доставать за полгода, а в 1997 году — тогда мы стали здесь работать — посещаемость Цирка на Вернадского по будням была не выше тридцати процентов. Но сейчас зритель возвращается. И я верю, что не за горами те времена, когда билеты в цирк снова будут доставать по большому благу.

Корреспондент «Известий» и Людмила

3.09.03